

УДК 947.084.6.8

**ЭКОНОМИКА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В СССР В 1930-1950-е гг.:
ОЧЕРК СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

© 2013 А.В. Захарченко

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Поступила в редакцию 02.11.2012

В статье рассматриваются проблемы изучения принудительного труда системы НКВД-МВД СССР в 1930-1950-е гг. в современной западной историографии.

Ключевые слова: лагерно-производственный комплекс, принудительный труд, заключенные, лагерная экономика, ГУЛАГ.

Эту статью я посвящаю знаменательному событию – юбилею Александра Ивановича Репинецкого. Человек неутомимой энергии, доброй души, необыкновенно отзывчивый к людям, ученый, организатор науки, педагог... Список личностных и профессиональных качеств Александра Ивановича можно перечислять долго, как и его жизненные достижения. Однако я не могу взять на себя смелость написать биографический портрет известного самарского историка. Те, кто проработал с ним уже не один десяток лет, сделают это лучше. Задача здесь видится несколько иная – показать, насколько плодотворно научное сотрудничество с профессором А.И. Репинецким. Итогом именно такого творческого взаимодействия стала серия наших публикаций по истории Безымянского лагеря Управления Особого строительства НКВД СССР¹.

Совместные научные проекты позволили основательно погрузиться в проблему изучения лагерной экономики ГУЛАГа в 1930-1950-е гг., очерк зарубежной историографии которой представлен в данной статье.

Поскольку историография вопроса о генезисе содержания и роли подневольного труда в советской экономике, аккумулированного в понятии «ГУЛАГ», достаточно обширна, позволим себе подойти к анализу зарубежной историографии выборочно, концентрируясь по преимуществу на трудах последних 20-ти лет и уделяя внимание работам, имеющим значение для изучения экономической стороны участия НКВД-МВД в осуществлении мобилизационного варианта индустриализации в СССР.

Возможность содержательно изучать фактор принудительного труда в советской экономике и систему НКВД-МВД как производственного комплекса исследователи получили в начале 1990-х гг. в связи с так называемой «архивной

*Захарченко Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: zav.dpn2010@yandex.ru*

революцией», когда стали доступны документы закрытых фондов российских архивов. Благодаря этому западные историки и экономисты уже с опорой на архивные источники продолжили изучение как репрессивных, так и производственных аспектов функционирования системы ГУЛАГа в период сталинизма. В работах таких авторов, как Р. Штеттнер (*R. Stettner*), К. Гества (*K. Gestwa*), М. Шпрау (*M. Sprau*), С. Эрц (*S. Ertz*), П. Грегори (*P. Gregory*), М. Харрисон (*M. Harrison*), Э. Бекон (*E. Bacon*), М. Якобсон (*M. Jakobson*), Н. Верт (*N. Werth*), Э. Эпплбаум (*A. Applebaum*), Б. Йенсен (*B. Jensen*), Г. Перссон (*G. Persson*) В. Хеделер (*W. Hedeler*) и др., представлены различные ракурсы данной проблемы².

Среди одних из первых обобщающих зарубежных исследований, выполненных в том числе на основе российских архивных документов, следует выделить монографию Майкла Якобсона, посвященную генезису советской лагерной системы³. Помимо сюжетов о репрессивной политике большевистского руководства, эволюции карательных учреждений автор рассмотрел и вопросы организации трудового принуждения, проблемы финансирования ГУЛАГа⁴. Как считает М. Якобсон, в ГУЛАГе никогда не удавалось достичь одной из важных экономических задач, оправдывающих его существование, – самодостаточности. Ведомство регулярно получало государственные субсидии, которые росли пропорционально росту численности его обитателей – заключенных⁵. Интерес представляют суждения автора по вопросу эффективности принудительного труда, сопоставление его с трудом вольнонаемных рабочих. М. Якобсон в этой связи полагает, что ситуация здесь была неопределенной. Он допускает вероятность того, что в некоторых видах производства заключенные действительно по производительности могли достичь уровня вольнонаемных рабочих. По крайней мере, в конкретном случае «условия работы могли быть решающими факторами». Использование труда

заключенных «скорее всего, могло быть эффективно в лесной промышленности, добыче золота, на строительных объектах и угледобыче, в то время как рабочие показывали лучшие результаты в сельскохозяйственном секторе и в большинстве промышленных отраслей»⁶. Привлекая доступные материалы, автор приводит в своем исследовании механизм трудового распределения заключенных в соответствии с физическим состоянием и характером работ (категорийность труда), а также характеризует простой, но, как оказалось, один из самых действенных и устойчивых мотивационных инструментов труда в ГУЛАГе – прямую зависимость продовольственного пайка и материально-бытовых условий от выполнения нормы выработки⁷.

В более поздних работах зарубежных историков проблема интерпретации феномена ГУЛАГа, его места в системе советского государства также дискутируется, хотя в целом наблюдается совпадение в подходах.

Так, один из признанных специалистов, немецкий профессор Клаус Гества пишет о двояком понимании ГУЛАГа: 1) ГУЛАГ в узком, бюрократическом понимании как одно из структурных подразделений НКВД, в ведении которого находились «исправительно-трудовые лагеря и колонии». 2) В более широком смысле ГУЛАГ «обозначает также государственно-террористический образ действий, насильственную форму господства сталинизма», посредством которой миллионы людей, осужденных как за фактические, так и надуманные преступления, изолировались и подвергались бесцеремонной эксплуатации как «спецконтингент»⁸. В этой связи немецкий исследователь (как и большинство представителей зарубежной историографии) – сторонник второй, более широкой интерпретации, ибо, по словам К. Гествы, «ГУЛАГ – это нравственно нагруженное понятие, символ политического произвола»⁹.

Что касается оценок генезиса и роста системы принудительного труда, К. Гества солидарен с позицией известного французского специалиста по советской истории Н. Верга о первичности репрессивной политики перед хозяйственной целесообразностью как исходной точки роста ГУЛАГа. Как пишет К. Гества, ГУЛАГ возник сначала как место заключения. Когда сталинский режим начал после 1928 г. реализовывать проект индустриальной насильственной модернизации, система мест заключения продолжала рассматриваться как место изоляции противников режима, с одной стороны, и запугивания остального населения – с другой. Только после первых опытов использования труда заключенных на объектах индустриализации партийное руководство стало «воспринимать растущее население лагерей как

фонд рабочих рук». В то же время после этого, считает Гества, «политические императивы изоляции, перевоспитания и запугивания смешивались с начала 1930-х гг. с экономическими целями беспощадной эксплуатации заключенных принудительным трудом»¹⁰. Кстати сказать, К. Гества одним из первых в зарубежной историографии исследовал вопрос использования труда заключенных в отраслевом масштабе. Одна из его статей под характерным названием «Auf Wasser und Blut gebaut: Der hydrotechnische Archipel Gulag, 1931-1958» («Построенный на воде и крови: гидротехнический Архипелаг Гулаг, 1931-1958») посвящена строительству гидротехнических объектов советской экономики силами заключенных ГУЛАГа и других лагерно-производственных комплексов НКВД, начиная от Беломорканала и заканчивая Сталинградской и Куйбышевской ГЭС¹¹. Автор считает, что строительство гигантских каналов и гидроэлектростанций сыграло решающую роль в превращении ГУЛАГа в экономического гиганта¹².

Гудрун Перссон в своей небольшой монографии дает комплексную оценку ГУЛАГа. Как отмечает автор, хозяйственная роль данного ведомства имела существенное значение, хотя сам ГУЛАГ был «убыточным бизнесом на всех уровнях». Своим трудом заключенные внесли весомый вклад в советскую плановую экономику, чему способствовали накануне войны крупные инвестиции в лагеря, узники которых строили военно-промышленные объекты¹³. Оценивая хозяйственную деятельность НКВД-МВД, автор подчеркивает, что в плановой экономике, где рыночные силы, цена и заработная плата не имеют существенного значения, идеологические аргументы в пользу использования принудительного труда тесно переплетались с экономическими, взаимодополняя друг друга. Тем не менее Г. Перссон достаточно критически оценивает эффективность принудительного труда. Во-первых, система постоянно требовала притока новых подневольных работников, поскольку использовать заключенных на производстве в полную силу продолжительное время было невозможно – многие быстро истощались физически. Следовательно, даже в этом случае труд в ГУЛАГе не мог быть эффективным. Во-вторых, сама карательная система оказалась дорогостоящей в обслуживании, расходы увеличивались вместе с ее расширением, она становилась все более неуправляемой. В-третьих, «значительная часть произведенных в ГУЛАГе вещей (по всей видимости, изделий ширпотреба – А.З.) была низкого качества, а слово «туфта» стало общим понятием повседневной жизни». К этому списку автор добавляет, что многие объекты: каналы, шоссе и железные дороги, пост-

роенные с использованием подневольного труда, как транспортные маршруты оказались ненужными, «построенные ценой больших страданий они никогда больше не были использованы». Таким образом, резюмирует Гудрун Перссон, «ГУЛАГ никогда не компенсировал расходов на него с экономической точки зрения»¹⁴.

В обширном монографическом исследовании еще один представитель скандинавской историографии Бент Йенсен не менее категорично высказывается относительно сущности карательного института, наделенного в 1930-1950-е гг. обширными хозяйственными функциями. По мнению автора книги, «ГУЛАГ на самом деле одна из самых обширных и дорогих систем принудительного труда ... финансовая империя, которая сыграла решающую роль в экономике страны в целом, даже при условии, что при чисто рациональных экономических расчетах ГУЛАГ похоже не принес никакой прибыли». Такая расточительность советской экономики оправдывается, по мнению автора, самой сущностью системы: «ГУЛАГ был в первую очередь важным инструментом в текущем государственном терроре, который советская власть осуществляла в отношении населения, которое она уже и так контролировала. Это было крайне жестокое учреждение внутри такой же жестокой системы». Основываясь на результатах исследований западных и российских коллег, Б. Йенсен обратил внимание на то, что необходим прежде всего качественный анализ экономики ГУЛАГа в общей хозяйственной системе СССР. Несмотря на незначительную долю лагерно-производственного комплекса в целом по экономике, региональный и отраслевой срез дает совсем другую картину. Например, на Европейском Севере СССР, на НКВД в отдельные годы приходилось более 30% объема лесной промышленности, а в Коми АССР этот показатель превышал 50%¹⁵.

В целом, по оценке Б. Йенсена, ГУЛАГ являлся убыточной компанией. Даже данные лагерных отчетов показывают, что многие лагеря не в состоянии были выполнить возложенные на них хозяйственные обязательства. Автор отмечает, что никаких долгосрочных улучшений в производительности не было достигнуто, несмотря на то, что работа заключенных до конца 1940-х гг. не оплачивалась, а поставки продовольствия, обмундирования, а также условия жизни были скудными. В конце концов пришло понимание того, что ГУЛАГ является финансовым бременем.¹⁶

История ГУЛАГа в военный период отражена в специальной монографии Эдвина Бекона¹⁷. В основу исследования положен анализ архивных документов, прежде всего статистических спра-

вок о движении заключенных в военный период, информационных сводок и отчетов о производственной деятельности лагерей и колоний. Автор замечает, что война существенно повлияла на саму систему мест заключения, производство военной продукции стало приобретать все большее значение, колонии перепрофилировались в предприятия по выпуску военного снаряжения и боеприпасов. По мнению Бекона, ГУЛАГ был востребован войной. Адаптируясь к новым условиям, при сокращении дотаций от государства, на нестабильные и скудные поставки от которого рассчитывать не приходилось, система мест заключения оказалась перед необходимостью максимально переориентироваться на внутренние ресурсы, включая обеспечение продовольствием, обмундированием и другими ресурсами¹⁸.

В последние годы зарубежная историография пополнилась специальными исследованиями, где лагерно-производственный комплекс НКВД-МВД изучается через историю его территориальных подразделений на материалах региональных архивов.

В работах Владислава Хеделера и Мейнхарда Старка представлена история Карлага – одного из крупнейших лагерных комплексов, расположенного на территории Казахской ССР, недалеко от г. Караганда (современный Казахстан). Данный лагерь в экономическом отношении специализировался на производстве сельскохозяйственной продукции и поставлял заключенных для работы на промышленные объекты других ведомств, участвуя, таким образом, в добыче полезных ископаемых (угля, меди, марганца) и др. По подсчетам исследователей, через Карагандинский ИТЛ за почти 30 лет его существования прошло порядка 800000 заключенных. Достоинством работы, безусловно, следует считать комплексное использование источников: авторы наряду с массивом архивных документов Управления Карагандинского ИТЛ использовали материалы воспоминаний бывших узников.¹⁹ В дальнейшем научные изыскания В. Хеделера были расширены – в 2010 г. выходит его новая работа, посвященная деятельности Карагандинского и Сибирского лагерей в период с 1939 г. по 1960 г. Поскольку оба лагеря являлись главными производителями сельскохозяйственной продукции среди лагерных комплексов НКВД-МВД, мы имеем теперь научный труд, представляющий экономику ГУЛАГа как в региональном разрезе, так и на специализированном отраслевом уровне. Добавим, что основным источником для Хеделера послужили документы политотделов данных лагерей²⁰.

Немецкая исследовательница Мирьям Шпрау посвятила ряд своих работ изучению социально-экономических, административных по-

следствий влияния лагерной системы. На примере конкретного региона (в данном случае Северо-Востока СССР, Магаданской области, где действовал комбинат Дальстрой) показан процесс генезиса (первая половина 1930-х гг.), разрастания (конец 1930-х – начало 1950-х гг.) и в конечном итоге демонтажа лагерно-производственного комплекса Дальстроя в середине-конце 1950-х гг.²¹ Привлекая материалы центральных архивов и периодической печати тех лет, исследовательница вполне удачно, на наш взгляд, показала развитие лагерной системы Дальстроя как региональной проекции ГУЛАГа²². Говоря о специфике хозяйственного освоения северо-востока СССР, М. Шпрау отмечает, что оно целиком базировалось на принудительном труде. По сути, экономика Магаданского края являлась экономикой Дальстроя, который всю социальную, производственную и транспортную инфраструктуру создавал буквально с нуля²³. В экономическом отношении регион Колымы буквально «родился из лагеря»²⁴. В результате после смерти Сталина и начавшегося демонтажа лагерно-промышленного комплекса потребовалось время, чтобы отойти от чрезвычайной системы управления, которая, по сути, была в руках МВД, и интегрировать регион в гражданскую бюрократическую властную конструкцию²⁵. Оценивая производственную деятельность лагерного комплекса, М. Шпрау полагает, что она являлась отражением всей сталинской экономики, экстенсивной в своей основе. Так, прирост производства предприятий Дальстроя достигался за счет вовлечения все новых людских, материально-технических ресурсов, хищнической эксплуатации природных богатств. Экстенсивный характер деятельности Дальстроя характеризовался также и тем, что значительный прирост золотодобычи им достигался за счет эксплуатации наиболее прибыльных россыпей. Издержки экстенсивной лагерной экономики, как пишет автор, отмечены и серьезным экологическим ущербом: «деградация земель, превращение природных пейзажей в лунные ландшафты, химическое загрязнение рек, уничтожение обширных участков леса»²⁶. Что касается целей, которые преследовало партийное руководство, направляя деятельность Дальстроя, то, по мнению М. Шпрау, они были исключительно производственными. Об этом свидетельствуют бытовые лишения, которые постоянно испытывало население Магаданского края. «Иначе как объяснить, – задается вопросом автор, – что комбинат, который в течение нескольких лет был одним из крупнейших в мире добытчиков природных ресурсов, оказался не в состоянии прокормить своих работников должным образом, строить простые дома, школы. Своей работой Дальстрой разрушил

жизнь многих тысяч людей, уничтожил огромные площади ранее не тронутой природы»²⁷.

Говоря о современной историографической ситуации, сложившейся в 2000-е годы, стоит привести суждения известного французского исследователя, специалиста по советской истории Никола Верта, который в одной из своих публикаций, посвященной проблеме интерпретации фактов в процессе изучения архивных материалов ГУЛАГа, отмечал, что сейчас лагерный комплекс изучают скорее тематически в различных аспектах. К числу таких аспектов автор относит следующие: ГУЛАГ как место осуществления репрессий; как особая экономическая система, основанная на принудительном труде; как бюрократическая организация со своими внутренними нормами, ведомственными конфликтами, социальными характеристиками и повседневной жизнью.²⁸ В одной из своих работ Н. Верт дал комплексную характеристику лагерной системе, ее генезису, а в экономическом плане проанализировал ее многоотраслевой характер, структурную реорганизацию. Он, как и большинство российских специалистов, констатирует кризис лагерного комплекса, что имело отражение и на уровне производственных показателей, когда планы в конце 1930-х гг. регулярно не выполнялись, несмотря на устойчивый рост численности заключенных, поступавших в распоряжение предприятий и строек НКВД²⁹.

В целом в зарубежной историографии проблемы экономики принудительного труда анализируются в общем контексте карательной политики сталинского руководства. Суждения исследователей об экстенсивности лагерного хозяйства, функционирование которого оборачивалось реализацией пусть и масштабных, но высокзатратных индустриальных проектов, объединены общим выводом о политике репрессий, ставшей основополагающим условием существования ГУЛАГа. Может быть, поэтому сама постановка вопроса о том, насколько эффективна была экономика ОГПУ-НКВД-МВД даже в раках командно-мобилизационной системы, сложившейся в СССР в 1930-е гг., нуждается в дальнейшем уточнении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Захарченко А.В., Ретинецкий А.И. Использование труда заключенных и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Известия СНИЦ РАН. Самара, 2006. №3. С.789-800; Захарченко А.В., Ретинецкий А.И. Узники Безымянлага: состав, трудовая деятельность // Вестник архивиста, 2006. №4-5 (94-95). С.116-137; Захарченко А.В., Ретинецкий А.И. Строго секретно. Особстрой-Безымянлаг 1940-1946: Из истории системы лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области. Самара: Изд-во «НТЦ», 2008; Захарченко А., Ретинецкий А. Лагерная преступность и ка-

- рательная политика в системе ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны (на материалах Безымянлага) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах / Под общ. ред. Ю.А. Реента. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. Вып.6. С.75-83.
- ² Bacon E. Glasnost' and the Gulag: New Information on Soviet Forced Labour around World War II // *Soviet Studies*. 1992. Vol.44, №6. P.1069-1086. Bacon E. The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archivs. London: Macmillan. 1994; Getty J.A. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence / J.A. Getty, G.T. Rittersporn, V.N. Zemskov // *American Historical Review*. October 1993. P.1017-1049. Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917-1934. Louisville, 1993. Stettner R. «Archipel GULag»: Stalins Zwangslager-Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant: Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems 1928-1956. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1996; Gregory P. An Introduction to the Economics of the Gulag // *The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag* / P.R. Gregory, Lazarev, ed. Stanford: Hoover Institution Press, 2003. P.1-21. Harrison M. Coercion, Compliance, and Collapse of the Soviet Command Economy // *Economic History Review*, 55:3, p.397-433; Gestwa K. Aufbruch aus dem GULag? Forschungsstand und Konzeption des Themenheftes // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (JbGOE)* N. F. Band 57/2009. S.481-491; Gestwa K. Auf Wasser und Blut gebaut Der hydrotechnische Archipel Gulag, 1931-1958. // *Osteuropa*, 57. Jg., 6/2007. S.239-267; Gregory P., Harrison M. Accumulation and Labor Coercion under Later Stalinism // *Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века: сб. тр. Междунар. науч. конф. Москва. 24-25 ноября 2004 г. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2006*; Werth N. Der Gulag im Prisma der Archive: Zugänge, Erkenntnisse, Ergebnisse // *Osteuropa*, 57. Jg., 6/2007. S.9-30. Jensen B. Gulag och glömskan: rysslands tragedy och västvärldens minnesförlust under 1900-talet. Stockholm, 2005. 580 s. Persson G. Gulag. Stockholm, 2005; Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. Leben im Gulag: Die Geschichte eines sowjetischen «Besserungsarbeitslagers» 1930-1959. Paderborn. 2008; Hedeler W. Die Oekonomie des Terrors: Zur Organisationsgeschichte des Gulag 1939 bis 1960. Hannover: Offizin, 2010. 333 s; Applebaum A. GULAG. F. History. New York, 2003.
- ³ Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917-1934. Louisville, 1993.
- ⁴ Ibid. P.3.
- ⁵ Ibid. P.8.
- ⁶ Ibid. P.121.
- ⁷ Ibid. P.125.
- ⁸ Gestwa K. Aufbruch aus dem GULag? Forschungsstand und Konzeption des Themenheftes // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 57/2009. S.482.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. S.484
- ¹¹ Gestwa K. Auf Wasser und Blut gebaut... S.239-266.
- ¹² Ibid.S.248.
- ¹³ Persson G. Gulag. Stockholm, 2005. S.10.
- ¹⁴ Ibid. S.50-53.
- ¹⁵ Jensen B. Gulag och glömskan: rysslands tragedy och västvärldens minnesförlust under 1900-talet. Stockholm, 2005. S.277-282.
- ¹⁶ Ibid. S.282.
- ¹⁷ Bacon E. The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archivs. London: Macmillan, 1994.
- ¹⁸ Ibid. P.123.
- ¹⁹ Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. Leben im Gulag: Die Geschichte eines sowjetischen «Besserungsarbeitslagers» 1930-1959. Paderborn. 2008.
- ²⁰ Hedeler W. Die Oekonomie des Terrors: Zur Organisationsgeschichte des Gulag 1939 bis 1960. Hannover: Offizin, 2010.
- ²¹ Sprau M. Entstalinisierung verortet. Die Lagerauflösung an der Kolyma // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (JbGOE)* N. F. Band 57/2009. Heft 4. S.535-562; Sprau M. Gold und Zwangsarbeit Der Lagerkomplex Dal'stroj / *Osteuropa*, 58. Jg., 2/2008. S.65-80.
- ²² Sprau M. Gold und Zwangsarbeit Der Lagerkomplex Dal'stroj // *Osteuropa*, 58. Jg., 2/2008. S.65-80.
- ²³ Ibid. S.71.
- ²⁴ Sprau M. Entstalinisierung verortet. Die Lagerauflösung an der Kolyma... S.535.
- ²⁵ Ibid. S.555.
- ²⁶ Sprau M. Gold und Zwangsarbeit Der Lagerkomplex Dal'stroj... S. 75
- ²⁷ Ibid. S.77.
- ²⁸ Werth N. Der Gulag im Prisma der Archive: Zugänge, Erkenntnisse, Ergebnisse // *Osteuropa*, 57. Jg., 6/2007. S.21.
- ²⁹ Вепт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система (пер. с фр. А.И. Пигалева). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.183.

FORCED LABOR ECONOMICS IN THE SOVIET UNION IN 1930-1950: A SURVEY OF CONTEMPORARY FOREIGN HISTORIOGRAPHY

© 2013 A.V. Zakharchenko

Volga Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Samara

The paper analyzes the key trends in studying the NKVD-MVD system of forced labor economics in the USSR in 1930-1950s by the contemporary Western historians.

Key words: camp-industrial complex, forced labor, convicts, the camp's economy, the Gulag.